

Иосиф Кобзон

Я САМ СЕБЕ СУДЬЯ

Москва
Издательство АСТ

УДК 82-312.6
ББК 68.49(2Рос)23
К 55

Данная книга была написана на основе материалов и интервью с И.Д. Кобзоном.

Кобзон, Иосиф.

К 55 Я сам себе судья / Иосиф Кобзон. – Москва : Издательство АСТ, 2018. – 272 с. [ил.].

ISBN 978-5-17-105545-5.

«Я сам себе судья, и надо мной никто не властен... Я прожил очень интересную, непростую, но красивую жизнь. У меня в этой жизни есть все. Есть моя любовь, есть мое продолжение: мои дети, мои внуки. Есть мои песни, мои слушатели» — И.Д. Кобзон

Более 50 лет на сцене, выступления перед Сталиным, Хрущевым, Горбачевым, Ельциным — жизнь Иосифа Давыдовича Кобзона тесно вплелась в историю СССР и России. Именно поэтому его голос является голосом не одного поколения.

Иосиф Кобзон — не просто самый титулованный певец отечественного музыкального Олимпа, депутат Государственной Думы, музыкально-общественный деятель, но и один из самых любимых артистов нашей страны.

Уникальные фотографии из семейных архивов, повествование от первого лица расскажут о взлетах и провалах, успехе и перипетиях судьбы Иосифа Давыдовича, которые вряд ли кто-то мог рассмотреть за ослепительным светом софитов.

УДК 82-312.6
ББК 68.49(2Рос)23

ISBN 978-5-17-105545-5.

© ООО «Издательство АСТ»

СОДЕРЖАНИЕ

Первые годы жизни	7
Война	10
Послевоенный период	14
Выступления	
перед товарищем Сталиным	18
Днепропетровск	23
Горный техникум	25
Служба в армии	33
Поступление в институт имени Гнесиных	38
Первое самостоятельное выступление	40
Цирк на Цветном бульваре	41
Общезитие на Трифоновке	43
Первые успехи на эстраде	46
Никита Сергеевич Хрущев	50
Первый брак	53
История с пропиской родственников	59
Второй брак	61
Обычная жизнь: гастролы, записи, съемки...	67
Третий брак	71
Окончание института	83
Рождение сына	86
Рождение дочери	91
Афганистан	96
Временное исключение из партии	106
Несостоявшийся приезд в СССР Фрэнка Синатры	108
Развал Советского Союза	112
Почему я не уехал?	115
Конфликт с Ельциным	117
Юрий Михайлович Лужков	120

Кобзон и бизнес	125
Приход в политику	147
Шестидесятилетие	156
О молодежной политике	163
Первые проблемы со здоровьем	166
Захват заложников в Театральном центре на Дубровке	168
«Единая Россия»	180
Запрет на проезд в Юрмалу	184
Предновогодний «розыгрыш»	190
Новая болезнь	197
Операции в Германии	200
Семидесятилетие	212
Обморок в Астане	214
Семидесятипятилетие	215
О будущем России	218
Законотворчество — это тоже искусство	231
Владимир Владимирович Путин и Россия	237
О событиях на Украине	241
Герой Труда Российской Федерации	251
И вновь Государственная Дума	255
Я — счастливый дед!	263
Кому передать эстафету	270
Я — человек с принципами	280

«Я сам себе судья, и надо мной никто не властен»... Я прожил очень интересную, непростую, но красивую жизнь. У меня в этой жизни есть все. Есть моя любовь, есть мое продолжение: мои дети, мои внуки. Есть мои песни, мои слушатели.

Иосиф Кобзон

Иосиф Кобзон

Мой путь

*Мой путь, моя судьба
Надежд ошибок и сомнений.
Мой путь, что выбрал я,
Я вспомнил вновь без сожалений.
Я жил, и сладок был
Соленый вкус аплодисментов.
Влюблялся и любил —
Это был мой путь.*

*Был час, когда упал
И надо мной звенела вьюга.
Был день, когда узнал
Любовь врага и зависть друга.
Я шел, боль затая,
Смеялся я и горько плакал.
Промчалась жизнь моя —
Это был мой путь.*

Припев:

*Продлись, мой путь
На светлый миг,
На теплый дождь,
На птичий крик,
На нежный взор,
На вздох любви,
И музыку мою продли!
Я не жалею ни о чем —
Это был мой путь!*

Мой путь, моя судьба,
дорога грез, тропинка счастья.
Я сам себе судья,
И надо мной никто не властен.
Пусть мир был так жесток,
А жизнь моя была прекрасна,
Дай Бог еще глоток —
Это был мой путь.

Припев:

Продлись мой путь
На светлый миг,
На теплый дождь,
На птичий крик,
На нежный взор,
На вздох любви,
И музыку мою продли!
Я не жалею ни о чем —
Это был мой путь!

Да, это мой путь...

Русский текст Ильи Резника

Я никогда не чувствовал себя особенным. У меня никогда не было ощущения, что я буду известным человеком. И, слава Богу. Это только мешало бы моему развитию. Вместе с тем я всегда хотел быть первым, понимая, что единственный для меня путь к лидерству — это научиться делать то или иное дело заметно лучше других.

Иосиф Кобзон

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

У меня нет малой Родины. У меня есть одна Родина — это Донбасс! Большой и малой Родины не бывает. Есть одна Родина. Там, где пупок зарыт — там и Родина. Все остальное — фантазии.

Я родился 11 сентября 1937 года в городе Часов Яр, что в Донецкой области. И что для меня Часов Яр? Собственно говоря, я там не жил. Я только родился в Часовом Яре. Поэтому никакой осознанной жизни там у меня не было.

Да, уважаемый читатель, Часов Яр— это неотделимая частица моей жизни, моей памяти. Я счастлив, что там теперь есть улица, названная моим именем. И есть музей...

Я приезжал в Часов Яр с мамой. Я приезжал с гастролями в Часов Яр. У меня есть воспоминания военного детства, когда семья вернулась в 1944 году в Донбасс, в город Донецк, тогда он назывался город Сталино. Потом были Славянск и Краматорск.

Но это все было потом. А жизнь для меня началась со слова. Этим первым словом было слово «мама».

Мама моя — Ида Исаевна Шойхет — 1907 года рождения. Она родом из местечка Деражня Каменец-Подольской гу-

бернии. В ее большой семье было четверо детей: она и три брата. У нее была очень непростая судьба, как, впрочем, и у всех женщин того поколения. Мама рано потеряла отца (он был кустарем-одиночкой, умер в 1917 году, и семья оказалась в крайней нужде) и с одиннадцати лет вынуждена была зарабатывать, работая по найму. Была и батрачкой, и синеблузницей. По окончании специальных курсов работала мастером на деревообделочной фабрике в Проскурове. В двадцать два года вступила в ВКП(б). В январе 1930 года мама вышла замуж и вместе с мужем переехала в Славянск. Чтобы не сидеть на шее мужа, работала на Славянском изоляторном заводе, затем начальником АХО Славянского городского отделения связи, заведующей общим отделом Славянского горкома партии.

Мама моя любила меня. Любила больше всех. Потому что был я у нее самый младшенький. Это уже потом, когда в се-

мье появился шестой ребенок¹ (сестричка Гела), Гела стала самой любимой. Самой любимой еще и потому, что была девочкой.

Мама никогда не звала меня по имени, а звала всегда: сынуля. И я любил ее. Очень. И всегда, всегда, до последних дней звал ее: мамуля. Она делала для меня все, что могла... Если оставалась одна конфета, то, конечно, сладость доставалась мне. Не стало у меня мамы в 1991 году.

Началась моя жизнь 11 сентября 1937 года. Смотрю я на эти, оказавшиеся для мира трагическими, цифры с высоты сегодняшнего дня. На календаре 2017 год! Смотрю и вспоминаю свое бедное, но все равно счастливое детство. Очень счастливое. Несмотря на то, что по нему прокатилась Великая Отечественная. Эта страшная война стала главным воспитателем моего поколения.

Родился я в небольшом городке. У нас их называют ПГТ — поселок городского типа. Меня часто спрашивают, не в честь ли Иосифа Виссарионовича меня Иосифом назвали? Ни в коем случае. В честь маминого дяди. Дядя Иосиф был адвокатом, и он очень помогал семье мамы, когда они осиротели.

Дальше семейные пути привели нашу семью во Львов. Перед самой войной, в 1940 году, мама стала там работать начальником спецотдела Обллеспромсоюза. Отец, Давид Кунович Кобзон, был служащим предприятия. Квартира наша находилась в доме напротив Дома офицеров, и оттуда часто доносилась музыка в исполнении духового оркестра. Но у нас была и «своя» музыка — патефон и несколько коробок с пластинками Лемешева, Руслановой, Шульженко... Я так любил их слушать.

¹ У Иосифа Давыдовича было два родных брата (Исаак и Эммануил), сестра (Гелена) и два сводных брата — Леонид и Григорий Рапопорт (примечание редакции).

ВОЙНА

Я помню первый день войны, мне было три с половиной года. Мы в вокзальном помещении, полном народа. Благодаря маме, нас засунули в товарный вагон, дали уголочек на соломе.

На второй день после начала Великой Отечественной войны отец ушел на фронт, а мама с тремя детьми, со своим братом-инвалидом и со своей мамой, нашей бабушкой, отправилась в эвакуацию в Узбекистан. Конечным пунктом назначения оказался город Янгиюль.

Я, когда возвращаюсь к памяти детства, совершенно четко помню эту нашу эвакуацию. Помню этот вагон, переполненные станции. Я помню, как отстала мама... Она бегала за хлебом для нас и отстала от поезда. Помню, как все мы — и бабушка, и дядя, и братья, и я, как самый младший, — были в панике: пропала мама! А у нас всегда вся надежда была на маму. Но мама через три дня догнала нас «на перекладных» на какой-то станции. Так мы попали в Узбекистан, в город Янгиюль, в пятнадцати километрах от Ташкента.

Я с большой теплотой вспоминаю этот гостеприимный край. Мы жили в узбекской семье, в глиняном домике с земляными полами. Хозяева делились с нами всем. Конечно, жили впроголодь. Хлеб берегли пуще золота. Я по сей день ловлю себя на мысли, что не могу выбросить даже корочки. С тех пор я больше всех продуктов люблю хлеб.

Мы все жили в одной комнате. Наши семьи разделяла только занавеска. Когда устраивались на ночлег, выкладывались тюфяки, и все ложились, что называется, штабелями. Так жили с 1941 по 1944 годы. Каждое утро взрослые поднима-

лись на работу. Поднимали и нас, детей, чтобы покормить... Кормили в основном какой-то тюрей... И так, чтобы сытно было весь день. Варился так называемый суп. Мама моя была в этом деле находчивая женщина. Хозяйка. Она делала еду, казалось, из ничего. Все съедобное шло в ход: картофельные очистки, щавель, просто зеленые листья или какая-то кусачая лечебная трава, которую так любят есть собаки и кошки, когда им не хватает витаминов или нападает какая-нибудь болезнь. Этого наваристого бульона хватало всей семье на неделю. Каждый раз после завтрака кастрюлю с «тюрей» спустили в погреб. Потом поднимали, разогрели на керосинке, и мы обедали. Разносолов не было.

Иногда мама для бульона покупала свиную голову и свиные ножки. Вываривала их, и получался жирный бульон. Чистые, золотистые капельки жира в нем были такие, что текли слюни. Бульона хватало на всю выварку. А выварка была большая, алюминиевая. К субботе в этой же огромной выварке нас, детей, мыли по очереди. Потом в ней же кипятилось белье, чтобы избавиться от всяких насекомых.

Хлеба, по сути, не было. Лишь иногда нас, детей, баловали узбекскими лепешками. Но, в основном, заедали мы всю эту тюрю жмыхом. Мы жили рядом с забором маслобойного завода. И вот там нам удавалось разжиться жмыхом, который делался из отходов семечек подсолнечника. Пахучий, до приятного головокружения, и такой твердый, что его можно было грызть бесконечно. Этот жмых был главным детским лакомством. Смешиваясь со слюной, он насыщал наши вечно желавшие есть желудки. А еще мы насыщались смолой, обыкновенной черной смолой. Мы жевали ее целыми днями. Ходили и жевали. Это была наша жвачка, наше лакомство военной поры. Жестокое время, что поделаешь...

Покормив, взрослые выгоняли нас гулять на улицу. И весь день мы проводили на улице. Гоняли с мальчишками по ней босиком, устраивая обычные пацанские игры, так что моим дет-

ским садом была улица. Не сказать, чтобы я тогда всегда был заводилой, но всегда руководил всем, как командир. Конечно, дрались. Но очень быстро мирились. И тем самым учились не держать друг на друга зла. Потрясающе добрый и гостеприимный узбекский народ останется в моей памяти навсегда.

Чтобы заработать денег, мама варила конфеты. Готовые конфеты пересчитывали и укладывали на «досточки». Эти «досточки» с лакомством висели в нашей комнате на веревках достаточно высоко. Но мы, дети, ночью потихоньку вставляли и их облизывали. А утром мама, ни о чем не подозревая, везла эти конфеты продавать на рынке.

Потом жить стало немножечко легче: мама начала работать начальником политотдела совхоза. До этого, на Украине, еще с Часова Яра она работала судьей. Это удивительно, но она стала судьей в двадцать два года, окончив до этого Харьковский юридический институт. Ей даже для этого пришлось немного «подправить» свой возраст (на самом деле, она была 1910 года рождения). Она была комсомолкой, ходила в красной косынке и дела вела всегда очень справедливо.

А теперь мы с братьями, как могли, помогали ей. Бегали на базар продавать холодную воду. С кружками. «Купи воду! Купи воду!» — наперебой кричали мальчишки. И в жару, под палящим узбекским солнцем, ее охотно покупали. Правда, за какие-то копейки. Конечно, мы зарабатывали мало, но все до копейки честно относили маме. Однако и это помогало нам жить. И мы выживали и... выжили.

Нас у мамы росло трое мальчишек. Не могу сказать, что она была ласковой и доброй, скорее — достаточно жесткой женщиной. Растила-то мальчишек. Потом нас стало четверо, Гела — единственная девочка — родилась уже после войны. Мама не только нас вырастила и воспитала, но и дала всем образование.

Два маминых брата — Борис и Михаил — не вернулись с фронта, пропали без вести. В 1943 году наш отец был сильно

контужен и после лечения демобилизован. Однако к родным он не вернулся. В госпитале судьба свела его с одной женщиной, звали ее Тамара Даниловна. Прекрасная такая дама, педагог. Короче, у отца образовалась новая семья, и он навсегда остался в Москве.

Как только Донбасс освободили от немцев (в сентябре 1943 года), мы тут же вернулись на Украину и поселились в городе Славянске. Жили в семье погибшего маминого брата Михаила, у жены его, у тети Таси, доброй русской женщины с двумя сыновьями.

У нас на всех было полторы комнаты. Полкомнаты занимала родительская спальня, а на другой половине мы все спали вповалку. Я очень любил спать на полу: на улице за целый день так нагоняешься, что придешь грязный, шлепнешься на пол и спишь, как убитый.

До 1945 года мы прожили у тети Таси. Там же, в Славянске, мы встретили День Победы. Как сейчас помню, 9 мая 1945 года. Я проснулся от жуткого крика в нашей коммуналке. А я знал, что такое крики в коммуналке, когда приходили похоронки. Но тут, открыв глаза, я увидел, что люди улыбаются, обнимаются и плачут одновременно. Я спросил у мамы: «Что случилось?» Она говорит: «Победа, сынок!»

Потом мы переехали в Краматорск, и мама устроилась работать адвокатом в Краматорской юридической консультации. Она была опытным юристом, очень аккуратным и ответственным, и потом долгие годы, даже уже в Москве, люди обращались к ней за советом. Более того, наш родственник, дядя Самуил, тоже адвокат, потом вел дело по наследству в Америке, и он обращался за советом к маме, и они выиграли это дело, хотя мама явно не знала международного права.

Там же, в Краматорске, я пошел в школу. Все легло на мамины плечи. Бедная мама моя. Досталось ей горя! Но она все выдержала.

ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

В Краматорске я пошел в первый класс мужской средней школы №6, где проучился до шестого класса. Город был разрушен войной — отсутствовало отопление, у нас не было тетрадей, мы писали на обрывках бумаги, на газетах.

Как сейчас помню, конец 1945-го... Станным образом тогда мы учились: когда нужно было писать, худющие, но горячие, отогревали мы под рубашками чернильницы с замерзшими чернилами и писали между строк на газетах. Чтобы не стучать от холода зубами, сжимали губы. В классах стоял мороз, но не в силах он был заморозить наши души, которые после

